

НАЧАТЬ нужно с того, что по своему типу Герман Гессе — писатель интеллектуального или философского склада. Среди любимых его изречений было выписанное из древнекитайской книги «Ли цзи» определение ученого мужа как человека, который «живет со своими современниками, но сверяет свои поступки с древними; путь, проложенный им в нынешний век, послужит ступенью для будущих поколений». Писатель в понимании Гессе — прежде всего хранитель знаний, берегущий для будущего живой огонь духовной жизни всего человечества. Отсюда обилие у него скрытых и явных цитат, литературных и философских намеков и ассоциаций. В пластическое изображение жизни он естественно вплетает эссеистику, а собственное знание людского ума и сердца постоянно соотносит с мудростью великих предшественников, которых — что особенно важно — воспринимает не академически, но как живых собеседников, участников незавершенного спора о судьбах мира и человека. Есть свои бесспорные достижения у этой ветви немецкой культуры и в XX веке — Томас Манн, Роберт Музиль, Герман Брох. Такие романы Германа Гессе, как «Сидхарта» (1922), «Степной волк» (1927), «Нарцисс и Гольдмунд» (1930), «Паломничество в страну Востока» (1931), а также ранее переведенная у нас «Игра в бисер» (1943), позволяют ему уверенно занимать свое место в этом ряду.

Из перечисленных книг «Степной волк» всего более приближен к реальному времени своего возникновения, в ней меньше экзотики или утопического вымысла. Может быть, поэтому на ее долю выпал наибольший успех. Успех международный, хотя по духу своему это глубоко немецкая книга, уходящая корнями в фаустовскую тему. В различных ее модификациях на немецкой почве с особой напряженностью и зачастую надрывом прозвучала общая европейская забота: разлад природы и духа. Готические устремления духа вывies на фоне убогой бюргерской жизни выглядели здесь особенно впечатляюще и особенно безнадёжно. Весь комплекс связей Гессе с этой традицией подробно исследован в критической литературе; убедительнее других это сделал друживший с Гессе философ Рудольф Панвниц, соотносящий «магический театр» в «Степном волке» с «Прологом в театре» гётевского «Фауста».

Другой исторический слой романа лежит, как говорят лингвисты, в «синхронной» плоскости: имеется в виду время написания романа, совпадающее с отобразенной в нем эпохой, то есть двадцатыми годами. Пошатнувшиеся буржуазные устои, моральные, экономические, политические последствия первой мировой войны. Судорожный пересмотр культурного наследия. Взвинченность и разброд в направлениях мысли. Духовная ситуация, осознаваемая в тогдашнем интеллектуальном обиходе как «кризис мысли, кризис жизни, кризис культуры» (это слова Андрея Белого). Атиловское нашествие на Европу мистики, астрологии, хиромантии. Джаз, алкоголь, наркотики. Все эти приметы времени воспроизведены в «Степном вол-

ке» с поразительной точностью.

От веяний времени идет и план романа: он представляет собой внешне хаотичный, но, если вникнуть, посаженный на достаточно жесткую схему монтаж разнохарактерных кусков — публицистики, исповеди, стихов, бытовой живописи, взаимно сменяемых с последовательностью музыкального опуса («фуги», как отмечал сам Гессе).

Типичен для своего времени и герой Гарри Галлер — одиночка, изгой, «подпольный человек», с болезненной ревностью ограждающий от посягательств внешнего мира свою внутреннюю жизнь, «человек без свойств», если понимать под свойствами навыки, способствующие жизненному успеху в буржуазном его понимании. Западная литература того времени избирала героем человека, презирающего карьеру, а посему лишенного внешней биографии. В этом смысле она как

Юрий АРХИПОВ

«СТЕПНОЙ ВОЛК», ИЛИ В ПОИСКАХ ИДЕАЛА

бы выворачивала наизнанку излюбленный жанр двух предшествующих веков — роман-биографию. «Бальзак... к которому я совершенно равнодушен» — эта реплика из письма Гессе красноречива. Титанические воля и страсть, направленные на достижение внешнего успеха, чинов, почестей, денег, перестали казаться интересными. Буржуазный идеал жизнеустройства полностью обнажил свою пустоту и мертвечину. Но мог ли Гессе противопоставить ему что-либо, помимо отрешенных от житейской суеты духовных игр? Что-нибудь, что обладало бы преобразующей силой? Увы, нет. И в этом слабость писателя, которую необходимо отметить.

Но чем же волнует нас Гарри Галлер? В самом общем виде ответить на этот вопрос трудно. Ну хотя бы подлинным напряжением духовности, жаждой истины, потребностью в идеале. Интеллигентностью в том смысле, какой сформулировал еще Иван Карамзин, когда заявил, что ему не надобно миллионов, а важно мысль разрешить... Так что в принципе механизм воздействия романа ясен. Бесконечно сложно проследить его индивидуальное действие, вызывающее самые разные и противоречивые друг другу реакции читателей. Чтобы дать о них представление, стоит мне кажется, познакомить читателей с мнением о романе двух моих собеседников, о которых следует дополнительно знать, что оба они филологи и что оба живо задепы романом, хотя относятся к нему по-разному.

Итак, слово первому.

«...Я очень люблю «Игру в бисер». По-моему, это удивительно ясная, чистая книга, с каким-то математическим изяществом описывающая решающие духовные проблемы эпохи. Тем большим разочарованием явился для меня «Степной волк» — именно из-за муты, душевной невнятицы, выплеснутой под присмотром Фрейдера и прочих модных ревнителей иррационализма. Нытье, скулеж, какие-то карикатурные пляски, наркотический дурман — все это действительно кризисные явления



в героях-романтиках которой есть что-то обскурантское; разум для них — все равно что черт для средневекового крестьянина...»

«Но разве нет никакой опасности для живой жизни и рационализма? И ничего ужасного в механической стандартизации? И напрасны страхи и предупреждения Достоевского, а вслед за ним многих русских и западных писателей? Кстати, влияние Достоевского на Гессе кажется очевидным». Это уже мнение второго собеседника.

«Дело не только во внешних приметах «подпольности» и сопавдения отдельных мотивов (убийство Гермины — убийство Настасьи Филипповны). «По Достоевскому» схвачен главный нерв этого типа: внутренний разлад как своего рода источник духовной энергии. Показатель этой энергии — неотступная жажда идеала, не покидающая героев даже во время их любой низменной одиссеи. В «Записных тетрадях» Достоевского есть об этом поразительные места. Они кажутся сказанными прямо о Галлере: «Идеал, присутствие его в душе, жажда, потребность во что верить, что обожать и отсутствию всякой веры. Из этого рождаются два чувства в высшем современном человеке: безмерная гордость и безмерное самопрезирающее...»

А столкновение с действительностью, где он оказывается таким смешным... и ничтожным... он возлагает на себя долг самосовершенствования и рад ему, и в восторге... выберет смешные вериги...»

«Страсти по Галлере» и есть такие «смешные вериги». Они нужны герою, чтобы «очиститься» через смирение, полюбить всякую жизнь, понять, что подлинный идеал нигде не сплнет. А характер идеала у Достоевского и Гессе общий. И мы его разделяем, что нас с Галлером и роднит. Идеал этот — гармония. Гете и Моцарт — у Гессе. Пушкин и Моцарт — у Достоевского. В этих именах, конечно, не просто материализация случайных духовных пристрастий. Это — высшие достижения общечеловеческого гения...»

Роман Гессе, разумеется, ценен не только перекличкой с Достоевским. Он удивительно актуален потому, что в нем, как в зеркале, отражаются недуги и пороки современной буржуазной культуры (и это несмотря на то, что книга создана полвека назад).

Хотелось бы подкрепить здесь мнение моего собеседника цитатой из Гессе, посвященной вопросу о месте «Степного волка» в его творчестве и много говорящей о самом фазисе его творчества:

«...Книга эта знает и говорит о большем, нежели только о Гарри Галлере и его трудностях, о том, что над Степным волком и его проблематичной жизнью простирается другой, высший, непреодолимый мир... Хотя книга и сообщает о страданиях и горестях, но ни в коем случае не является книгой отчаявшегося человека...»

В другом месте Гессе говорит о том, что «знание о хаосе» необходимо для обретения гармонии. Знающая об этом хаосе, но не выплывающая его, мужественная проза писателя-гуманиста обладает неуязвимой жизнеутверждающей силой. Завершая разговор о Гессе, хочется подчеркнуть, что спустя пятнадцать лет после смерти писателя книги его продолжают служить делу нравственного прогресса человечества. Не случайно Всемирный Совет Мира принял решение посвятить годовщину со дня рождения Германа Гессе...»

К 100-летию
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ГЕРМАНА ГЕССЕ

двадцатых годов. Нам грозит гораздо худшее — под угрозой само существование планеты, поэтому мы просто не можем себе позволить роскошь нервного расслабления, мы обязаны сохранять трезвую голову и отстаивать свой оптимизм.

«Степной волк» объяснил мне секрет популярности Гессе у хиппи. Для «протестующей» посредством наркотического «самоуглубления» молодежи Гессе — настоящий идол, или, на языке хиппи, «гуру». Среди прочих экстравагантных лозунгов хиппи есть и такой: «Прочти «Степного волка», прежде чем принять ЛСД!». Разумеется, бунтующее «без руля и без ветрил» поколение на Западе понимает Гессе поверхностно, упрощенно, но, видимо, похву для такого его понимания дал сам писатель, не всегда умевший «просветленным» выходить из кризисных фаз своего духовного пути.

«Степной волк» наследует сомнительные для меня романтические традиции с их вечным разладом «знания и счастья». Мне непонятно, почему познание должно сопровождаться таким беспокоеством, таким суеверным страхом, приводить к такому отчаянию, как у Галлера. «Знание делает несчастным» — этот мотив кажется очень устойчивым в классической немецкой лите-